
Владимир ДУДЧЕНКО

ИРАК: ПУСТЫНЯ, ТАНКИ, ЛЮДИ...

...Лечу на военно-транспортном вертолете МИ-8, смотрю в иллюминатор и думаю: «Какого черта меня, 70-летнего военного пенсионера, занесло в Ирак, в эту знойную пустыню?! Мне бы цветочки на даче выращивать да внуков воспитывать...» В грузовом отсеке вертолета нас двенадцать человек, справа и слева, у кабины экипажа, у проемов сидят у крупнокалиберных пулеметов на турелях два стрелка-оператора в касках-полусферах с колпачками и бронезиловыми забралами и бронезиловыми шлемами. Лица не видно. Время от времени переговариваются с кабиной пилота по внутренней связи и внимательно отслеживают обстановку на земле. Летим на высоте 200–300 метров, под нами сначала строения окрестностей Багдада, невзрачные двух-трехэтажные дома серо-коричневого цвета с плоскими крышами, рядом с которыми островки пальм и кустарников, затем домов становится меньше, виднеются нарезанные участки земли с границами в виде оросительных каналов, редкие пальмовые рощи... Чем ближе приближаемся к пустыне, тем жарче становится воздух, залетающий в наш отсек вертолета. Внизу уже пустыня с минимальной растительностью, жадно пьем воду и смотрим на часы, с нетерпением ожидая посадки...

Мы — это группа отставных офицеров-танкистов, преподавателей и переводчиков арабского языка, работающих по контракту с департаментом бронетехники с целью обучения экипажей танков Т-90, поставленных недавно в Ирак. Строго говоря, нас — больше, прибывших из России по этому проекту, но половина осталась в Багдаде, точнее, в Таджи, куда они добираются на работу автобусом. Это в 30 километрах от столицы, где во времена Саддама Хусейна находилась база Республиканской гвардии Ирака, там же располагалась крупнейшая группировка бронетанковой техники и военный (вертолетный) аэродром. Инфраструктура военной базы сохранилась, и сейчас там находятся склады, ремонтные мастерские, учебные классы и многое другое, связанное с бронетанковой техникой Ирака. Кроме наших специалистов, в Таджи работают военнослужащие из Польши, обучающие иракцев ремонту и обслуживанию танков Т-72 польского производства. По словам коллег, общение с поляками минимальное, обычно просят наших достать им русской водки.

Нам не повезло, вместо Таджи предложили работать в пустынном районе Бисмайя, в 70 километрах от Багдада. Мы, «экипажники», долго упирались, ехать черт знает куда уж очень не хотелось, тем более что в подписанных нам документах местом работы был указан Багдад. Иракская сторона мотивировала тем, что там находится танковая школа с необходимой учебной базой по Т-90 с тренажерами и всем необходимым, включая жилье. После переговоров и консультаций с Москвой было принято решение

Владимир Алексеевич Дудченко родился в 1948 году в поселке Никель Мурманской области. Учился в Военном институте иностранных языков. Работал в качестве переводчика в Египте, Йемене, Сирии, Ливии. С 1993 года работал журналистом в петербургских газетах. Автор романа «Канал» («Война на истощение»). Ветеран боевых действий, подполковник в отставке. Имеет правительственные награды СССР и арабских государств. Проживает в Санкт-Петербурге.

о доставке нашей группы в Бисмайю военным вертолетом и ее возвращении в Багдад на выходные. Тоже вертолетом, так как дорога туда на автобусе с остановками на блок-постах и пробками заняла бы два часа в один конец.

Так мы оказались в пустынном гарнизоне Бисмайя, защищенном двумя рвами с насыпями, пулеметными ячейками и колючей проволокой. Впрочем, здание, в котором нас поселили, оказалось достаточно комфортным, с кондиционерами и привозной водой, которой регулярно заправляли огромный бак, нормальным, правда, однообразным питанием с фруктами, овощами и прохладительными напитками. А вокруг расстилалась безжизненная пустыня...

То, что иракцы максимально постарались сделать все возможное для нас в условиях пустыни, стало сразу понятно. А на торжественное открытие первых танковых курсов Т-90 прибыла большая группа генералов во главе с начальником Генштаба иракской армии. Мы едва только приступили к занятиям, а в арабских СМИ появилась информация о том, что российские специалисты *уже* подготовили экипажи танков Т-90. Хотя до этого еще было очень далеко...

Теоретическая подготовка экипажей шла с большими языковыми проблемами. Наш перевод лекций с массой военно-технических терминов иракцы почти не понимали. Еще бы, там была механика, электроника, оптика и прочие области знаний, которые наши подопечные с начальным школьным образованием не могли понять. А без этих знаний было невозможно усвоить принципы работы всех систем и органов управления современного танка. Иногда приходилось объяснять почти на пальцах. Чуть позже нам стало понятно, что подбор кандидатов на эти курсы был не по принципу уровня образования, а совсем по другим критериям, например, по активному участию танкиста в боях за освобождение Мосула от террористов ИГИЛ.

Наша группа наводчиков-операторов была смешанной: 4 офицера и 11 сержантов: частично из ребят, участвовавших в боях против ИГИЛ на танках Т-72 из 9-й танковой дивизии, и из танковой школы. Еще две группы — механиков-водителей и командиров танков — обучались в соседних учебных блоках под руководством наших же преподавателей.

...Визит командира танковой дивизии был неожиданным. Иракский генерал после обычного обращения к обучаемым поинтересовался у преподавателя Олега Иванова (*здесь и далее фамилии российских специалистов изменены. — В. Д.*), в паре с которым я работал, как курсанты усваивают материал. Тот ответил дипломатично, мол, по-разному, но все стараются. После чего генерал попросил тетрадь с конспектом у одного из курсантов. А в тетрадке оказалось всего несколько предложений из почти двухчасовой лекции. Командир дивизии удивился: «И это все?!» Я не выдержал и, пользуясь знанием арабского языка, которым Олег Иванов не владел, сказал генералу о низком уровне образования большинства обучаемых и предложил посмотреть конспект у другого курсанта. А там была вся лекция на нескольких страницах. Командир дивизии потребовал встать курсантов, имеющих среднее образование. Встали всего пять человек. Генерал нахмурился, пожелал нам успехов и ушел. Потом я не стал скрывать перед преподавателем сказанное иракскому генералу, считая, что арабское руководство должно знать, *кого* они отобрали на эти курсы, дабы не было претензий к русским преподавателям и переводчикам.

...Позже нас не один раз навещали высокопоставленные делегации из Министерства обороны Ирака, бронетанкового департамента, управления боевой подготовки и прочих военных ведомств. Иракские генералы посещали аудитории, интересовались успеваемостью обучаемых, пару-тройку раз были на танковом полигоне, наблюдали за учебными стрельбами. Сопровождал делегации начальник танковой школы полковник Махмуд (при нас получивший звание бригадного генерала). Очень заметно волновался, чтобы гости остались всем довольны.

...В нашей группе майор Ахмед Сулейман был старшим. Он же возглавлял весь цикл операторов и командиров танков. Чуть за 40 лет, полноватый для танкиста, немного комплексующий насчет звания (из-за полуторагодичной командировки в Германию, где он осваивал «Леопард», задержали присвоение подполковника), очень расположенный к нам, русским. Довольно бойко общался на немецком языке с одним из наших преподавателей-танкистов, служившим в Германии. Три лейтенанта-танкиста: Фейд, крепыш, спортивного телосложения, не гнушавшийся никакой, даже грязной работы, связанной с обслуживанием танков и оружия, умница, лучший в группе; Саджад, высокий симпатичный парень, слегка медлительный, но на практических занятиях на полигоне старавшийся «не ударить лицом в грязь» и быстро освоивший ненормативную русскую лексику; Барик, маленький, тщедушный, но с большим апломбом, постоянно пытающийся «достать» преподавателя якобы умными вопросами, счастливый отец двух девочек-близнецов. Меня удивляло, как он прошел полный курс танкового колледжа, в котором очень серьезные физические нагрузки.

Остальные курсанты были самыми обычными молодыми иракцами, за исключением одного, Ахмеда Сахиба, более старшего по возрасту — ему было за 40, — с которым мне получилось чаще общаться. Ахмед активно интересовался возможностями знакомства с русской женщиной по Интернету с целью женитьбы. Показывал мне на мобильнике фотографию знакомой женщины из Чехии, жениться на которой не получилось. Как я понял из наших коротких общений во время перерывов на занятиях, он после смерти родителей, как старший в семье, поступил в армию по контракту, чем обеспечил своих двух братьев получением высшего образования. А сам остался в армии, имея лишь среднее образование, чем очень тяготился. Впрочем, и Ахмед Сахиб, и другие подопечные стали с нами общаться более откровенно далеко не сразу...

Всю нашу русскую группу переодели в иракскую камуфляжную форму, нестандартные размеры подгонял гарнизонный портной. Второй комплект формы синего цвета был рабочим, для практических занятий на танках. Эту форму надевали редко, при 45–50-градусной жаре предпочитали носить более легкую, полевую, стирая ее после каждого выезда на полигон. Высыхала она, кстати, через 10–15 минут...

Однажды в расположении танковой школы появились вооруженные люди в военной форме НАТО с испанскими шевронами. Так мы узнали, что рядом, в 10 километрах работают испанцы, обучающие иракских пехотинцев, даже пару-тройку раз пообщались с ними. Каждого офицера сопровождали охранники, тоже испанцы, облаченные в бронезилеты с винтовками М-16, разгрузками и всеми боевыми атрибутами. Они с удивлением смотрели на нас, русских, ходивших по территории гарнизона в иракской полевой форме без оружия и охраны. Бородатый капитан Диего, с которым я познакомился, узнав мое звание подполковника, вытянулся в струнку и отдал честь. Пришлось его успокоить, сказав, что я уже в отставке. И все равно при каждой встрече он щелкал каблуками и отдавал честь. Общались на арабском и английском языках через их переводчика-иракца. Диего, похоже, уже был в курсе, чем мы занимаемся в Бисмайе, поинтересовался лишь режимом работы, предложил любую помощь в бытовых вопросах. Да мы и не скрывали цели нашего присутствия в танковой школе, за предложение помощи поблагодарили.

Накануне футбольного матча между сборными России и Испании, во время мундиала, испанцы проезжали на бронемашинах мимо наших учебных корпусов, и выскочивший из бронированного «хаммера» капитан Диего поздоровался и пожелал удачи команде России. «У вас сильная сборная, — сказал он, — играет нестандартно, уверен в вашей победе...» Как в воду глядел капитан Диего, мы победили испанцев и вышли в четвертьфинал. После этого общаться с испанцами не получалось, мы лишь видели колонну их машин на танковом полигоне и наблюдали ночные стрельбы на соседнем секторе полигона, когда они использовали осветительные ракеты. Зрелище заворажи-

вало: ракетные заряды медленно опускались на парашютах, освещая цели, по которым вели огонь трассирующими пулями...

...В парке рядом с нашими Т-90 стоял американский танк «абрамс», и мы, пользуясь случаем, полазили по нему и забрались внутрь. Там, в отличие от нашей машины, было просторно, можно было даже стоять в полный рост. Но, как сказали наши танкисты, это в условиях боевой работы не главное: в американском танке нет кондиционера и нагнетателя, то есть экипажу приходится работать в условиях пороховых газов при выстрелах из пушки. В масках, потому что выброса снарядных гильз нет. И гильзы, и остатки пороховых газов остаются в танке, поэтому предусмотрен вариант использования кислорода. Впрочем, возможно, в новейших модификациях «абрамса» уже есть кондиционер.

А наш танк Т-90 уже давно считается неубиваемым, одним из лучших в мире. Он прошел многочисленные испытания, по нему стреляли противотанковыми ракетами, что оказалось бесполезным, боевое применение в Сирии оказалось более чем эффективным. В отличие от саудовских «абрамсов», горевших, как свечки, в Йемене. Много «абрамсов» потеряла 9-я бронетанковая дивизия Ирака в боях против ИГИЛ. Скорее всего, это и послужило началу перевооружения бронетанковых частей на российские Т-90. Сейчас 35-я танковая бригада полностью оснащена российскими танками, а американские «абрамсы» остались (куда их девать?) на вооружении 34-й бригады той же 9-й дивизии.

* * *

...Путь от вертолетной площадки до отеля «Аль-Рашид» был коротким в так называемой «зеленой зоне» Багдада, особо охраняемом районе иракской столицы, где располагались правительственные учреждения и иностранные посольства. Наше российское посольство, кстати, находится вне этой зоны, в некогда престижном районе Эль-Мансур, и попасть туда можно лишь с вооруженным сопровождением и напояливанием на себя бронезилетов.

Мы обходились без бронезилетов и обычно останавливались у небольшого торгового комплекса «Вавилон» (пара магазинов, аптека, ресторан-кафе), чтобы по-быстрому купить самое необходимое: сигареты, фрукты, прохладительные напитки и прочее, ибо здесь все было гораздо дешевле, чем в отеле. Почти напротив «Вавилона» территория американского посольства, огражденная высокими бетонными забором с вышками для наблюдения, где постоянно дежурили охранники. Говорили, что на их территории даже есть стрельбище, где сотрудники посольства усердно тренируются в стрельбе. Более того, по словам иракцев, посещение «Вавилона» американцами напоминает войсковую операцию с усиленным вооруженным охранением на подступах к магазинам.

По дороге к отелю проезжаем несколько блокпостов с американскими танками «абрамс», бронированными «хаммерами» или просто военными автомобилями с установленными на них пулеметами под тентами. Службу несут иракцы, флаги Ирака повсюду. Проезжаем мимо знаменитой арки «Мечи Кадисии», названной в память о сражении в 636 году, когда арабы победили персов. Это огромные бронзовые руки с мечами, поднимающимися из земли. В этом месте Саддам Хусейн проводил парады, ибо считал эту арку символом победы над Ираном. Чуть дальше, слева высится огромный щит (напоминающий летающую тарелку) мемориала Неизвестного солдата, возведенного в честь мучеников ирано-иракской войны.

Еще несколько минут, и справа вырисовывается наш «Аль-Рашид». Этот отель считается самым безопасным в Багдаде. Лишь один раз в 2003 году 16-этажное здание было обстреляно ракетами, не причинившими отелю никакого ущерба. По словам со-

трудников отеля, внизу есть бомбоубежища, оборудованные защитой от оружия массового уничтожения. Видимо, не случайно на верхних этажах отеля разместились посольства Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов и Катара.

...Безумно приятно, прилетев из пустыни, окунуться и вволю поплавать в бассейне отеля. Даже высокие финиковые пальмы по периметру бассейна вызывали приятные ощущения: вот зеленые финики созреют, и можно будет собираться домой.

По пятницам почти половину территории бассейна «оккупировали» гости, представители различных международных организаций, работающие в Багдаде. Мужчины и женщины разного возраста, американцы, англичане, французы, испанцы и прочие демонстрировали «западную культуру»: под громкую музыку распивали алкогольные напитки, курили, плавали по бассейну на надувных плотках, роняя в воду стаканчики, вели себя как хозяева жизни. Зрелище было для нас неприятным, но служащие бассейна терпели их и не делали замечаний даже во время мусульманского поста в Рамадан. Гости платили деньги!

Я назвал этот отель нашей «золотой клеткой», так как нас из него не выпускали, мы ничего не видели, не знали, что находится за его двойным бетонным забором, лишь видели здания Багдада из окон своих номеров. Да, конечно, мы видели и 200-метровую телевизионную башню, и правительственные здания с развевающимися на них флагами Ирака, а вечерами — ярко расцвеченное колесо обозрения и еще какие-то неизвестные нам, сверкающие огнями объекты... Территория отеля была огромной: бассейн, тренажерный зал, теннисные корты и летнее кафе окружали пальмы, олеандры, цветущие акации, магнолии, клумбы с различными цветами, различные кустарники... И повсеместно копошились гастарбайтеры из Индии и Бангладеш в синей униформе, поливали, постригали, пересаживали растения. Такие же ребята работали в здании отеля, убирали номера, обслуживали гостей в ресторанах и кафе...

Но были и Маналь, красивая молодая женщина из Марокко, работавшая в кафетерии вместе с мужем-поваром из Иордании; и шеф-повар Ханна, обаятельный и смешливый ливанец, профессионал во всем касающемся приготовления любых самых изысканных яств; и мадам Нидадь, 50-летняя хозяйка сувенирно-антикварной лавки, христианка, говорившая, что ее предки с Кавказа, и гордившаяся татуированным крестиком на запястье; 72-летний Зухейр, хозяин другой сувенирной лавки отеля, по его словам — бывший бригадный генерал; миниатюрные улыбчивые иракские девушки на ресепшене, которым запрещалось сидеть во время смены; строгие охранники в форме, дежурившие у лифтов...

В огромном отеле, повторюсь, самом безопасном даже в «зеленой зоне» Багдада, проживала масса людей, работающих в Ираке по контрактам. В кафетерии или ресторане можно было увидеть и сотрудников арабских посольств в белоснежных одеяниях-кандурах, и англичан, и американцев, и китайцев. В «Аль-Рашиде» регулярно проводились различные конференции и совещания на высшем уровне, иракском и международном. Здесь же в июне Посольство РФ организовало праздник, посвященный Дню России, с участием огромного количества иностранных гостей. К счастью, мы оказались в этот день в отеле и были тоже приглашены. Столы были накрыты изысканными яствами, работали два буфета, где предлагали виски, водку, вино, пиво. Для нас, прилетевших из пустынной Бисмайи с жестким «сухим законом», этот праздник получился более чем приятным...

...По утрам обычно я брал на ресепшене местную газету «Аль-Сабах», а потом неожиданно ее не стало, и одновременно не стало Интернета. Но телевидение работало, и мы узнали, что в ряде провинций Ирака начались серьезные беспорядки, демонстрации протеста и стычки с полицией. Протестующие в городе Басра недовольны безработицей, растущими ценами на коммунальные услуги, перебоями с электричеством и проблемами с загрязненной водой, вызывающей заболевания людей. В Интернете

прочитал на арабском языке заявление Коммунистической партии Ирака (отделение города Басры) обо всех этих событиях с обращением к руководству Ирака с жестким требованием решить эти проблемы. На государственном канале ТВ выступил министр внутренних дел Ирака, заявивший, что полиция не будет применять огнестрельное оружие против демонстрантов. Однако оружие применили, и были жертвы с обеих сторон. Беспорядки перекинулись и на Багдад, и я видел эти демонстрации по телевидению, но в столице все закончилось без жертв...

По большому счету нас эти события не особо интересовали, нас волновало больше всего отсутствие Интернета, то есть возможности связи с родными в России, а также желание покинуть Ирак до начала возможной революции или какого-то вооруженного переворота...

...Несколько раз я заходил в зал «Шахерезада», единственное место в отеле, где можно курить. Пил кофе, курил сигареты. Там познакомился с уважаемым иракцем по имени Бассам, бизнесменом, сидевшим с дорожкой гаванской сигарой «Cohiba» и чашкой чая за ноутбуком. Разговорились, начав с гаванских сигар, Кубы, перейдя затем на реалии Ирака. Меня интересовала проблема арабского языка, почему его не знают молодые иракцы. «Эта проблема глубже, чем вы думаете, — сказал Бассам, — повсеместно во все структуры страны после Саддама Хусейна пришли полуграмотные люди, якобы революционеры, пытающиеся установить новый порядок. Демократию по западному образцу. А разве это возможно после тысячелетней диктатуры? Сознание людей так быстро изменить невозможно. Если раньше, скажем даже в уборке мусора, жители какого-то района надеялись на центральное руководство, то теперь они его должны убирать сами. И никто не убирает, и мусор повсеместно в Багдаде и других городах. ...И сотня политических партий, стремящихся к власти, и каждый лидер желает стать вторым Саддамом...»

Не случайно в отеле «Аль-Рашид» проживают те люди, которым было бы небезопасно находиться вне «зеленой зоны», где любой мог подвергнуться нападению отнюдь не террористов, а обычных преступников. А это недешево: один день в отеле с завтраком стоил 320 долларов.

* * *

...Если жара в Багдаде (отель с кондиционером и бассейн) как-то облегчала жизнь, не говоря уже о питании в виде «шведского стола», то возвращение в Бисмайю сразу давало о себе знать. Уже при подлете туда мы покрывались потом, а выйдя из вертолета — еще и мелким песком. Привыкли, конечно, но каждый полет с посадкой был забываемым. Встречал нас у жилого корпуса старший лейтенант Али, маленький, какой-то весь кругленький офицер, отвечающий за наш быт в Бисмайе.

К сожалению, начало обучения иракцев совпало с самым жарким сезоном в стране. И мы в него попали. После двухмесячной теории, — худо-бедно, классы и тренажеры с кондиционерами — началась практика, а это стрельбы дневные и ночные из всех видов оружия танка Т-90. Старший нашей группы полковник Петров не раз говорил, что теория для наших не очень грамотных обучаемых — не главное. Главное — научить их обнаруживать цели на поле боя и уничтожать их из пушек и пулеметов.

...После второго выезда на танковый полигон на дикой жаре (под 50 градусов в тени, а работать пришлось под открытым солнцем, где температура воздуха была намного выше) наши негибкие русские начали ломаться: первыми от теплового удара пострадали два наших преподавателя, Олег Иванов и Виктор Петров, третьим оказался я. Последовали капельницы и таблетки в военном лазарете и последовавшее изменение режима работы. Теоретические занятия в классах и на тренажерах стали начинать в пять часов утра, а практические стрельбы на полигоне еще раньше — в четыре часа,

чтобы закончить занятия до наступления жары в 10—11 часов. Брли с собой замороженные пластиковые бутылки с водой, которая таяла быстрее, чем палящее солнце оказывалось над нами. Жертвой теплового удара стал и старший иракской группы майор Ахмед Сулейман, но мужественно отказался от отправки в санчасть, фельдшер дал ему таблетки, и, отсидевшись в тени, он продолжил руководить группой.

...Взбираясь на танк, я обжигал руки, прикасаясь к раскаленному металлу, и там, находясь на башне, выливал на себя воду, лил за шиворот, плескал на лицо... А надо было работать: с танка управления мы давали команды на другие танки, в которых находились наши подопечные, выполнявшие упражнения по стрельбе из пушек и пулеметов. При возникновении проблем с работой танковой радиостанции или отказах при стрельбе из вкладного ствола приходилось бежать к танкам и налаживать эти системы... Ничего подобного я не испытывал никогда, даже работая в Египте, Йемене, Сирии и Ливии. А там тоже была пустыня...

Иногда, сидя на раскаленном танке, думал: «Вот бы сейчас пару сырых яиц разбить на броне, чтобы получилась яичница, и заснять это на смартфон!» Но яиц у нас не было. Лишь пустыня с дальними огоньками кирпичных заводов и каким-то населенным пунктом...

На ночные стрельбы выезжали вечером, незадолго до захода солнца. Ночь в пустыне завораживала своей красотой: яркая луна на темном небе, украшенном многочисленными звездами. Жары не было, каких-то 35 градусов мы уже считали прохладой, а небольшой ветерок лишь добавлял комфорта. Стреляли из спаренных пулеметов при закрытых люках с использованием тепловизионного (ночного) прицела, в пулеметной ленте обычные патроны чередовались с трассирующими, и огненные трассы в ночной пустыне смотрелись очень эффектно.

...Не один раз, общаясь со своими подопечными старшего возраста, спрашивал, куда делись образованные иракские офицеры, с которыми мы, военные переводчики, работали в Ираке и в военно-учебных заведениях СССР. «Уничтожены, сидят в тюрьмах, некоторые подались в ИГИЛ, в армии остались единицы, — не скрывали правды иракцы. — Все разрушено в Ираке: экономика, наука, культура. Каким-бы плохим правителем ни был Саддам Хуссейн, но при нем в стране был порядок. Сейчас никакого порядка нет, на севере злобствуют террористы, на юге — демонстрации протеста...»

На выходные дни и мусульманские праздники иракцев отпускали домой, кого куда, кроме ребят с севера Ирака, мест, где террористы ИГИЛ зверски убивали военнослужащих. Небезопасно было ехать туда даже в гражданском платье, не говоря уже о военной форме. Ребята нам рассказывали о случаях расправы и показывали снимки обезглавленных иракцев, с которыми вместе служили.

...В начале сентября террористы обстреляли из минометов «зеленую зону», три минометных снаряда разорвались между американским посольством и зданием центрального банка. Стреляли с другого берега Тигра, жертв не было. А спустя неделю закончилась наша командировка в Ирак, которого мы так и не увидели. Торжественный выпуск, вручение дипломов и подарков, фотографирование на фоне наших танков со скрепченными пушками, братское прощание с подопечными, слезы на глазах у многих...

А незадолго до этого созрели финики у отельного бассейна, те самые, на зеленые гроздья которых я смотрел в мае, с нетерпением ожидая, когда они поспеют, чтобы собираться домой. «Владимир, вот вам обещанные финики из Басры, — сказал мне Башир, — самые сладкие в Ираке. Денег не надо, будете их есть в России и вспомните меня, простого иракца из отеля „Аль-Рашид“...»

Багдад—Бисмайя, май—сентябрь 2018 года